

Очень редко им удается заранее понять, как, к примеру, устроить взрыв атомной бомбы, а потом осуществить его. Архитекторы же в большинстве случаев сначала придумывают проект и строят сооружение, а уж потом ломают голову над тем, что же получилось и почему.

У физиков есть поговорка: «Ваша теория никуда не годится, ибо она недостаточно абсурдна». Архитектор боится абсурда и старается думать правильно, что, во-первых, невозможно, а во-вторых, он этому никогда не учился.

Физик сначала становится в тупик перед природой, потом придумывает какие-то кварки и струны, законы четности и нечетности, затем с удивлением обнаруживает, что они работают (хотя бы в ограниченном диапазоне и некоторое время)!

За последние сто лет архитекторы запутались в своих и чужих теориях и отчасти потеряли интуицию, так что не рожают ничего нового, а переключаются (из пустого в порожнее) с места на место – сверху вниз, снизу вверх – там искривляют, тут исправляют... И все ломают голову над якобы возможными теориями, пытаюсь найти их в атомах галактиках, головном мозгу или архаических сооружениях.

Пора бы понять, что тут что-то не так, и вместо того, чтобы тибрить, пARDон, использовать чужие идеи приглядеться к тому, как эти идеи возникают в головах биологов, химиков, математиков и астрономов. Открывается интереснейшая картина. Непонятно, как эти идеи рождаются и откуда у самих физиков и химиков. Порой и во сне, как у Менделеева.

И вот тут мы с новой стороны подходим к эзотерике и интуиции. Иногда физики открывают и такие законы природы, которые сама природа еще не освоила. Оказывается, к примеру, что возможное число элементарных частиц практически бесконечно, а природа освоила только шесть.

Семьдесят процентов мира и Вселенной для нас были и остаются по сей день совершенно невидимы и непонятны, и уму нечего с ними делать. И нечего о них думать и конструировать в своем профессиональном воображении.

И вот, наконец, открывается главное: нужно понять, что мы еще не начинали даже думать о теории архитектуры, зубря Витрувия, и даже не знаем, способны ли мы на теоретическое осмысление архитектуры и нужна ли нам теория. Или нам нужно вообразить подлинного Бога Зодчества и молиться ему усердно три раза в день.

Литература

1. Витрувий Поллион, Марк. Десять книг об архитектуре = De architectura. Libri decem / пер. с лат. Ф. А. Петровского. – Москва : URSS : КомКнига, 2005 (000 Ленанд). – 317 с. : ил. – (Из истории архитектурной мысли / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства)

References

Vitruvius, P. M. (2005). De architectura. Libri decem (F. A. Petrovsky, Trans.). In From the History of Architectural Thought. Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Scientific-Research Institute of Architectural Theory and Urban Planning. Moscow: URSS: KomKniga (000 Lenand).

Тайна и парадокс теории архитектуры / The mystery and paradox of architectural theory

ТЕКСТ
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Анализируются разные аспекты и парадоксы современной теории архитектуры. На язык архитектурных форм стали переводить идеи физики, философии, поэзии и теории языка. Отсутствие теории архитектуры иллюстрируется архитектурной практикой авангарда.

Рассматривается историческое движение, эпохи во взаимодействии социальной реальности и теории архитектуры, подтверждающие синкретизм практики и теории архитектуры.

Ключевые слова: архитектура; история; человеческая деятельность; авангард; интуиция; Витрувий. /

Тайна и парадокс теории архитектуры состоит в том, что необходимость самой архитектуры невозможно доказать точно так же, как невозможно доказать необходимость теории архитектуры для архитектора. На первый взгляд (только на первый!), человек может прожить без архитектуры, архитектор – без теории архитектуры. Так что и тот, и другой от теории могли бы свободно отказываться. Но это иллюзия, причины которой теория архитектуры как раз и должна объяснить.

Вы скажете, что существуют же академии, институты, в которых какое-то место уделяется теории архитектуры. Но все это – след второстепенных свойств идеологической организации жизни. Академии архитектуры были созданы и поддерживались императорами из осознания важности разумной организации жизни, а сами члены академий так и не могли понять, зачем они нужны, и постоянно пытались изобрести какие-то доказательства собственной необходимости. Так было в XVII, XVIII, XIX, XX веках, так оно и сейчас.

Авангард начала XX века упразднил значение архитектуры прошлых веков и академий, но собственной теории так и не создал. Пришлось восстановить прежнюю. Когда в середине 1950-х годов Н. С. Хрущёв упразднил старую

The article analyses different aspects and paradoxes of the contemporary theory of architecture. The ideas of physics, philosophy, poetry and language theory have been translated into the language of architectural forms. The absence of architectural theory is illustrated by the avant-garde architectural practices.

The article studies the historical movement, epochs in the interaction of social reality and architectural theory confirming the syncretism of architectural practice and theory.

Keywords: architecture; history; human activity; avant-garde; intuition; Vitruvius.

академию (он делал это в борьбе с «архитектурными излишествами»), то проще было бы сказать, что и сама архитектура – излишество.

В эпоху Возрождения церковь много сделала для восстановления архитектуры языческой античности, хотя самого язычества не возродила. Этот союз возрождений архитектуры и церкви сохранил свое значение в новой церкви – партийной власти идеологий. И опять-таки архитектура и церковь держались друг за друга, отдавая на слова первенство религии, а на деле – архитектуре.

В известной мере это можно объяснить феноменом письменности: религия могла бы прожить и без священных писаний, как это было в архаических обрядах, однако письмо заставило иудаизм, индуизм, ислам и христианство воплощаться в текстах. Но если для христиан «в начале было слово», то для архитекторов едва ли можно сказать, что сначала возникла «теория архитектуры». И все же, несмотря на всю историко-философскую запутанность вопроса, факты показывают, что в Новое время немедленно начали строить некую теорию архитектуры. И начали с перевода Десяти книг Витрувия.

Теорию готики пришлось писать задним числом: она добилась своих поразительных успехов без теории, и ког-

< Аллегория архитектуры.
1679

да эту теорию стали сочинять в XX веке, то опять-таки ухватились за схоластику. Наконец, сталинский ампиризм лепили по нормам античного классицизма, но «на словах» уверяли всех и себя, что теория сохраняет свою ведущую роль, даже не сумев построить ее для «социалистического реализма» [2].

Получается, что архитектура и ее теория срослись как сиамские близнецы, хотя порой могут и оторваться друг от друга, как в Средние века.

В демократиях XX века теория архитектуры стала прирастать к истории культуры и к разного рода наукам, хоть каким-то боком причастным к строительству и идеологии красоты [3]. Ее выводили то из пространства и психологии, то из строительной техники, то из пропаганды нового образа жизни. До сегодняшнего дня теория архитектуры не исчезает из титульных наименований институтов, хотя никто в них этой теорией не занимается и ее повсеместно заменяют «историей воззрений»; декларируется же теория архитектуры как «наука» (и искусство тоже), так как отделаться от этой связи для управления культурой и профессией по многим соображениям практически невозможно. При этом и культура, и профессия страдают от этого, пожалуй, больше всех.

Вот это действительно феномен и факт, объяснить который было бы крайне важно. Но вместо поисков объяснения его просто восстанавливают и выдают как нечто желанное и необходимое. В результате теория архитектуры как некое странное дерево растет, а на его ветвях появляются всевозможные изобретения и цветы все более сложной и изысканной формы и структуры.

Создается впечатление, что невозможность объяснить необходимость теории архитектуры и самой архитектуры есть не какой-то дефект культуры, а ее основной постулат. Он может звучать так: «Архитектура и ее теория есть формы человеческой культуры, необходимость которых невозможно доказать, как и необходимость самой жизни, которая доказывается не в теории, а в самом воспроизводстве жизни». И к теории архитектуры это имеет прямое отношение: ее необходимость опирается на неустрашимость, которая воспроизводится в мысли и текстах как способах ее культурного и смыслового существования, так же, как и жизнь воспроизводится в своих коммуникативных отношениях в поэзии, традициях и законода-

тельстве, которые не являются естественными науками, но жизнестроительными практиками.

И архитектура, и ее теория – две жизнестроительные практики, имеющие две необходимые формы своего реального существования – деятельную (смысловую) и словесную (знаковую). Это две проекции одной и той же смысловой структуры, которые соответствуют, но не выступают в качестве причины и следствия. Обе имеют прямую связь с опытом и с тем, что этот опыт делает возможным в мире реального и трансцендентного порядка.

Попытки опровергнуть этот вывод ссылками на науку и инженерию несостоятельны. Наука сама по себе не дает оснований для инженерных решений, хотя инженерные решения могут опираться на науку (а могут действовать и на основе интуиции). С другой стороны, теория архитектуры часто опирается на результаты самой архитектурной практики, как и наука часто опирается на технические изобретения. В этом отношении технические проекты постановки физических опытов так же важны для науки, как и строительство архитектурных сооружений для теории архитектуры. Они в принципе важны, но часто научные теории обходятся воображением и интуицией.

Литература

1. Цапенко, М. П. О реалистических основах советской архитектуры. – Москва : Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1952. – 396 с.
2. Бэнэм, Р. Взгляд на современную архитектуру : Эпоха мастеров / пер. с англ. А. М. Христиани, Е. С. Гринкрэг; под ред. Е. В. Асса, А. В. Бокова. – Москва : Стройиздат, 1980. – 172 с. : ил.
3. Раппапорт, А. Г. Диалектика памяти и привычки: ситуация в архитектуре XXI века. – Проект Байкал. – 2022. – №71. – С. 20–23

References

- Banham, R. (1980). Age of the masters: A personal view of modern architecture (A. M. Khristiani, & E. S. Grinkrug, Trans.; E. V. Ass, & A. V. Bokov, Eds.). Moscow: Stroyizdat.
- Rappaport, A. G. (2022). The dialectic of memory and habit: The situation in the 21st century architecture. Project Baikal, 19(71), 20-23. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1937>
- Tsapenko, M. P. (1952). O realisticheskikh osnovakh sovetskoi literatury [On the Realistic Foundations of Soviet Architecture]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo literatury po stroitelstvu i arkhitekture.